

Петр (Зверев), архимандрит. Жизнеописание раба Божия Никифора Христа ради юродивого. Белёв: Типография М. А. Глаголева, 1911. С. 1-10.

Цит. по: Я всех люблю и о всех скорблю: Житие священномученика Петра (Зверева), архиепископа Воронежского, 1876–1929. М., 2013. С. 513–519.

ПЕТР (ЗВЕРЕВ), АРХИМАНДРИТ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ РАБА БОЖИЯ НИКИФОРА ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО

Много путей, которые ведут в Царство небесное, но едва ли не самый трудный и тяжелый, скорбный и тернистый — путь юродства о Христе Иисусе, Господе нашем. Люди мира сего, люди, привыкшие судить обо всем поверхностно и не дающие себе труда вникнуть серьезно и спокойно в те или другие поступки ближних своих, обыкновенно с безжалостным презрением относятся к юродивым или «блаженными», считают их за безумных, потерявших человеческий разум, высмеивают их, притесняют, а часто даже по жестокости своей и непониманию величия подвига и бьют их. А между тем истинные юродивые — люди великого духа, великого ума и великого сердца. Подумайте, разве это малое дело — отказаться наружно, для людей, от ума своего, в то же время, вполне сохраняя его? Отказаться для того, чтобы считаться презренным безумцем, чтобы все переносить и претерпеть ради сладчайшего Иисуса, за нас пострадавшего, ради спасения своей души и спасения душ близких. Имея пред глазами своими непрестанно образ смирения и унижения Христа Спасителя, и они всемерно стараются приобрести смирение, для чего сами различными поступками своими навлекают на себя гнев и

ярость ближних, все претерпевая от них с кротостью и благодеянием. Стараясь уничтожить в себе всякую мирскую привязанность и пристрастие, они не взирают на лица, равно обходятся со всеми, всем говорят безбоязненно правду в глаза, одеваются в рубище, ходят с непокрытой головой и босыми ногами зиму и лето, лишают себя пищи и питья, проводят ночи в молитве, в то время как беззаботные о душе своей спят спокойным сном, они проливают слезы о грехах своих и о людском нечестии. Они всем сердцем своим любят ближних, все стараются делать на пользу им, все, что только получают от сердобольных и добрых людей, раздают неимущим и нуждающимся, не оставляя для себя ничего. Путь этот настолько труден и скорбен, что не всякий может идти по нему. Посему Господь не всякого и призывает на него, а только тех, которых видит способными и могущими все претерпеть за имя Его.

Таковым именно избранником и был великий раб Божий, во благочестивой вере скончавшийся, Христа ради юродивый Никифор, погребенный на кладбище Спасо-Преображенского мужского монастыря в городе Белеве Тульской губернии.

Христа ради юродивый Никифор происходил из крестьян Тульской губернии, Стрелецкой волости, дер. Синюхиной. Родителей его звали Алексей и Татьяна по фамилии Трифоновы. Родился он в 1773 г. и жил сначала в доме своих родителей. Однажды он с мальчиками, своими сверстниками, поехал в ночное сторожить лошадей и, когда возвратился, то стал проявлять в поведении своем некоторые странности, почему деревенские считали его за глупенького. Что произошло с ним в ночном так и осталось неизвестным. Между тем он стал больше молиться Богу, удалялся от всех увеселений и компаний, мало говорил и больше углублялся в себя. По праздничным дням ходил в приходской храм во имя свт. Николая, которого усердно чтит. Он не женился, так как никому и в голову не приходило сватать «малоумного». Ходил всегда с открытой головой и босой, одевался в белую ситцевую рубаху, которую подпоясывал веревкой туго-натуго и такие же ситцевые шаровары; многие над ним насмехались, дразнили его и отнимали у него

красные «ладыжки» или «бабки»¹, которые он носил при себе и которые постоянно перекалывал из одной руки в другую, читая по ним непрестанно молитву и имея их вместо четок. Все оскорбления и насмешки он переносил с кротостью и смирением, никогда никого не обижал. Чтобы утруждать себя и утомлять свое тело, убивая в нем страсти, он, бывало, возьмет колышек и начнет что есть сил вбивать его в землю до тех пор, пока не уморится; и часто слышали, как он охал за этим своим занятием. Из деревни он часто ходил в город Белев, куда, наконец, и совсем переселился. Однако собственного пристанища нигде не имел, а пребывал, где придется, подражая в этом Господу Иисусу, не имевшему на земле «где главы подклонити». Сам он не просил ничего, если ему что давали, то он тотчас же все раздавал другим. Бывало, оденут его сердобольные люди, а на другой день снова он в своей прежней легонькой одеженке. «Куда же ты девал, что тебе дали?» — спрашивали его, а он только ответит: «Попросили, я и отдал». «А сам-то в чем остался?» — «Бог даст и я буду одет», — ответил Блаженный. Вкушал он умеренно и то один раз в день. В будни обыкновенно вкушал днем маленький калачик с кружкой воды; в понедельник, среду и пяток вкушал то же самое, но лишь вечером; в праздники вместо воды разрешал себе кружку молока; в день Рождества Христова к этому прибавлял 3 маленьких кусочка белуги, а во всю Светлую неделю Пасхи вкушал калачик, кружку молока, крутое яичко и три кусочка белуги. Приобщался он несколько раз в год: в Петров день, в праздники Преображения, Успения, 6-го декабря — в день святителя Николая, — на праздник Рождества Христова, в субботу первой недели Великого поста, в неделю Крестопоклонную и в Великий Четверг.

Как мы сказали выше, он ни у кого ничего не просил и не брал. Бывало, когда идет он по городскому рынку, все торговцы наперерыв стараются предлагать ему свои товары бесплатно, чтобы он только взял у них, потому что было замечено, что как Блаженный возьмет у кого что, у того немедленно распродается весь товар. За

¹ «Ладыжки или бабки» — народная игра, в которой бросают костяные или деревянные фигурки.

самоотверженную подвижническую жизнь Господь наградил верного раба своего даром прозорливости. Однажды шел он по рынку, и ему между другими торговцами стал предлагать торговец квасом испить у него кваску, а Блаженный молча подошел к бочонку с квасом и опрокинул его весь на землю, а когда квас вылился, то на дне все увидели двух больших крыс, о которых не подозревал и сам торговец.

Много обращалось к нему народу за советом, и обращались не только простолюдины, но и купцы и дворяне. Блаженный не любил много говорить, а отвечал очень кратко и не всем, зато все слова его сбывались с поразительной точностью. Однажды пришла к Блаженному Одоевская мещанка Акилина Максимовна Журавлева, девушка, странствовавшая по святым местам; Блаженный увидел ее, сказал: «Останься, послужи мне», и она ходила за ним до самой его смерти.

За 14 лет до кончины Блаженный сделался болен расслаблением, у него были сведены ноги так, что он перестал ходить и лежал на спине на лежанке большей частью с открытыми глазами. Однако и тогда не оставляли его посетители и не только сами приходили к нему, но брали и его в свои дома, желая ему послужить чем-нибудь, в таких случаях его обыкновенно клали в тележку и перевозили. Привезли однажды блаженного в дом Михаила Фомича Горшкова, Белевского купца; когда его везли по двору, то он каким-то особенным голосом пел: «Господи помилуй», а когда внесли его в дом и посадили за стол, на котором стояло угощение с рюмкой вина у прибора, то Блаженный всю первую рюмку вылил в закрытое окно, а вторую за окно, ломти же черного хлеба стал разбрасывать по полу гостиной и спальни; на замечание, что хлеб грех бросать, Блаженный сказал: «Так надо». В это время Михаилу Фомичу нужно было ехать в лес по делам, а был канун воскресенья. Блаженный не велел ему ехать, говоря «не надо, не надо», но Михаил Фомич не послушался, поехал, и вот на другой день во время поздней обедни произошел пожар, причем все решительно сгорело, кроме спальни и гостиной, где был разбросан Блаженным хлеб. С тем же Михаилом Фомичем был еще такой случай. Надо было ему ехать опять по делам, а Блаженный говорил ему: «Не надо, не надо, калач, ручка». Михаил Фомич не понял слов Блаженного, не послушался, поехал, дорогой

упал в ров, вышиб себе локоть и руку его свело калачом.

За девять лет до кончины Блаженного его перевели в дом Белевского купца Василия Андреевича Давыдова, откуда он уже никуда не выходил, тут он стал носить красную, длинную, почти до пола рубаху. Несмотря на свои старческие годы и свою болезнь, он обыкновенно лежал на постели, весь обложенный ладыжками и костями от сомовины, очень острыми, так, что возбуждал к себе жалость в посторонних. Если иногда хотели его поудобнее положить или поправить под ним ладыжку и кости, то он отрывисто произносил: «Не про тебя тут-то было», и не позволял себя трогать, временами лишь просил поднять его, и тогда он на час садился на постель, причем и в ноги ему подставляли стул. Однажды он обратился к ходившей за ним Акилине Максимовне со словами: «Закрой меня совсем, я — колдун». «Да Бог с тобой, какой ты колдун?» «Нет-нет, закрой, я — колдун». В это время вошли две женщины, которым он ничего не сказал и даже не открылся, как они его об этом не просили. Когда Акилина Максимовна спросила их, не говорили ли они чего про Блаженного, то одна призналась, что назвала его колдуном. Сам Блаженный провидел их о нем мнение.

Скончался Блаженный 11-го октября 1857 г. в доме Давыдова, 84 лет от рождения, накануне смерти его причащал Святых Христовых тайн его духовник — настоятель Белевского Спасо-Преображенского монастыря иеромонах Анатолий.

Похороны его были весьма торжественными, на погребение собралось не только все городское духовенство, но и много съехалось сельских священников; до места последнего упокоения провожал Блаженного весь город. На средства же горожан был поставлен над ним чугунный памятник, на котором сделаны по четырем сторонам следующие надписи:

I. Здесь погребено тело Блаженного болящего Никифора Алексеевича Трифонова, экономического крестьянина Белевского уезда, дер. Синюхиной, скончавшегося в 1857 г. 11-го октября, на 84-м году от рождения.

II. В блаженном успении вечный покой подаждь Господи усопшему рабу Никифору и сотвори ему вечную память.

III. 20-ти лет он родину оставил.

50–ти лет в граде сем ходил,
Зиму и лето в одном рубище и босой,
14–ть лет пролежал на одре больной
И никогда с постели не сходил.
Народ его часто навещал.
По смерти его град сей весь его провожал,
И на сем месте тело его земле предавал.

IV. Прохожий!

Вспомни, кто ты таков ни есть,
Что кончится твоя в сем мире слава, честь,
Что придут и к тебе последних дней минуты.
Предупреди ж теперь последствия все люты,
Друзья, богатство, сан, с мирскою суетой
Оставят все тебя, все это блеск пустой.
Внимай, к чему тебя сей пастырь воззывает,
Блажен, кто ко Христу доколе жив взлетает.

Могила его находится близ летнего Спасо-Преображенского собора с правой стороны. В настоящее время усердствующими богомольцами воздвигнуто над могилою каменное надгробие с неугасимой лампадой. Росту блаженный был выше среднего, лицо имел смуглое, волосы седые, брану средней величины, черты лица серьезные, взор быстрый, ясный и сосредоточенный, голос тихий, произношение ясное. В простонародье его обыкновенно называли Никишей, и теперь часто можно слышать, как простой народ, приходя в монастырь, просит отслужить панихиду о Блаженном Никите, из–за молитвы Блаженного Господь по вере просящих подает великую Свою милость.

С 1911 года братия монастыря постановила накануне дня кончины Блаженного, т.е. 10–го октября, совершать соборно заупокойное всеобщее бдение, а на самый день, т.е. 11–го октября, соборно совершать Божественную Литургию с панихидой по рабех Божиих: Блаженном Никифоре и родителях его Алексие и Татиане и затем предлагать в память их трапезу для нищей братии.

В ризнице Спасо-Преображенского монастыря хранятся следующие предметы, оставшиеся после Блаженного: волосики, лодыжка, одна подушка и одна доска, на которых лежал Блаженный,

остатки просфоры и черного хлеба, от которых вкушал он, полотнище от красной рубахи, а также и портрет, снятый с Блаженного вначале его болезни.